

Е.В. Булдакова

Донбасская государственная машиностроительная академия, Украина

ГУГО СЕН-ВИКТОРСКИЙ И НОРМАНДСКИЙ АНОНИМ О ВЛАСТИ В ХРИСТИАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной статье рассматриваются две противоположные по своему смыслу и цели политические концепции, которые были сформулированы в первой трети XII века известным парижским ученым Гуго Сен-Викторским и анонимным автором нормандского происхождения. Продолжающиеся в это время борьба духовного сословия за право инвеституры и свободы церкви, с одной стороны, и процесс укрепления династии Капетингов, с другой, привели к тому, что в среде французских интеллектуалов образовались «партии», готовые стать на защиту как властных полномочий римских пап, так и королей. Главным оружием в этом противостоянии идей выступила сила их аргументов.

Ключевые слова: светская и духовная власть, Церковь, иерархия, властные полномочия, папа римский.

В первой трети XII века во французской литературе появились сочинения, которые засвидетельствовали возрождение интереса средневековых ученых к общественной тематике. Среди работ, освещающих вопросы этого плана, отдельного внимания заслуживают трактаты двух авторов – монаха Гуго Сен-Викторского («О таинствах христианской веры») и анонимного нормандского клирика («Йоркские трактаты»), поскольку в их рамках ученым удалось создать хорошо аргументированные теории, позволяющие сформировать цельное представление о ключевых социально-политических проблемах времени.

Цель данной работы состоит в том, чтобы в процессе изучения текстов названных выше сочинений выяснить отношение представителей французской интеллектуальной элиты к проблеме осуществления власти в христианском мире в свете распространения и утверждения в западноевропейском обществе григорианских реформационных идей и условиях укрепления династии Капетингов в первой трети XII столетия.

Изменения, которые в течение всего XI века происходили внутри западной церкви и общества в ходе реализации преобразовательных требований клонийцев и реформ папы Григория VII, спровоцировали активное развитие политической мысли в последующем столетии. Этому процессу также способствовало восстановление школ, в которых снова был возрожден интерес к патристической литературе и сочинениям античных авторов. Во Франции уже в первой трети XII века мощная интеллектуальная работа развернулась в таких крупных учебных центрах, как кафедральные школы Лана, Шартра и Парижа. Этой работой также занялись и в некоторых монастырях, в частности, в парижском аббатстве Сен-Виктор. Созданное в начале столетия на основе августиновского устава, оно быстро приобрело славу авангарда схоластического мистицизма. В школе этого аббатства с 1125 г. преподавал (а с 1133 г. ее возглавлял) монах Гуго (1096 – 1141) – один из самых известных ученых своего времени, автор многочисленных и разнообразных по тематике трудов, среди которых выделяются сочинения по педагогике, теологии, логике, истории, географии и пр. В круг интересов этого ученого входили и проблемы политического характера. Их комплекс был представлен в фундаментальной работе Гуго Сен-Викторского – трактате «О таинствах христианской веры» («De sacramentis christianae fidei») [1]. На страницах трактата, а именно в части, имеющей название «О един-

стве церкви» («De unitate ecclesiae») [1, Col. 398-618], мы обнаруживаем размышления Гуго, касающиеся интересующих нас вопросов организации христианского общества и способов управления им. Здесь ученый, подобно св. Августину, описывающему свой Civitas Dei с опорой на экклесиологию св. Павла, излагает собственное понимание христианской церкви. В самом начале рассуждений на эту тему он повторяет и развивает определения великого теолога: «Итак, что есть Церковь, если не множество верующих, сообщество христиан?.. Святая Церковь – это сообщество верующих» [1, Col. 412]. Внутри нее верующие разделяются на два сословия – мирян и духовенство, которые образно составляют две части одного тела. И «так же, как в человеческом теле у всякого члена есть своя обязанность, особая и отдельная, и, однако же, каждый из них не действует один и для себя одного» [1, Col. 417-418], так и каждое из этих сословий выполняет свои функции, обеспечивая, тем самым, в результате взаимообмена услугами, устойчивое состояние всего общественного организма.

Два сословия соответствуют двум образам жизни человека – телесному и духовному. Для организации каждой жизни было создано две власти – светская и духовная: «Ведь есть две жизни, одна на земле, другая на небе, одна телесная, другая духовная» [1, Col. 416]. И поскольку общественная организация является устройством, предусмотренным божественным провидением, ей изначально присущи такие качества, как рациональность, гармоничность и цельность. Но для сохранения ее гармоничного единства необходимо, чтобы в христианском мире соблюдалась иерархия, и одно сословие (порядок) подчинялось другому (в этом месте очевидна ссылка ученого на идеи, высказанные в хорошо известных и авторитетных сочинениях Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии»). «Две стороны распределены обе под одной главой <Христом>; они как бы выведены из единого основания и соотнесены с одним и тем же... Как и в личности Христа, в человеческой личности взаимоувязаны две природы. Так и в человеческом обществе взаимоувязаны два “порядка”... Два порядка, мирян и клириков, связаны в единообразии, как две стороны одного тела» [1, Col. 417]. Далее Гуго утверждает мысль о том, что обоим порядкам известно, какой из них главнее – это порядок клириков, который располагается справа. Именно ему предназначено осуществлять служение Богу, и исполнять роль посредника между небесным и земным градами. Миряне же, сосредоточенные в левой части тела, обязаны им подчиняться. Каждый из этих порядков подчиняется своему главе: королю и папе соответственно. И поскольку духовная жизнь возвышается над жизнью плотской, постольку духовная власть возвышается над властью светской. Поэтому именно папа призван обеспечивать единство двух сторон тела церкви. Ему принадлежит как функция пожалования земной власти (в виде коронования), так и право осуждения монарха вплоть до отлучения от церкви. Главным аргументом, который использует Гуго Сен-Викторский, для доказательства приоритета духовной власти, является мысль о том, что правители, осуществляющие земную власть, нуждаются в высшем авторитете, который на земле олицетворяет римский понтифик и его прелаты. В этой части источником идеи Гуго очевидно выступают тексты из таких ветхозаветных книг, как Второзаконие, книги Царств и Притчей, повествующие о порядке появления священнической и царской власти в земном граде и особенностях отношений между ними.

Что же касается определения целей и задач светской власти, то в рамках концепции ученого данные проблемы не нашли своего развития. Для Гуго Сен-Викторского они, очевидно, не были принципиальными, поскольку оба сословия различались им в рамках одного института, объединяющего весь христианский мир – церкви. А так как во главе этой организации, в соответствии с его глубоким убеждением, находился папа, и только его духовным авторитетом и властью в ней поддерживался общественный порядок и сохранялось ее единство, то королевские функции оказывались вне сферы его политических интересов.

Следует отметить, что представление о включенности мирского сословия в церковь превалировало в сознании большинства интеллектуалов этого времени. Но не все из них соглашались с точкой зрения, в соответствии с которой король признавался лишь тем, кому божественным провидением было предназначено возглавлять порядок мирян. Эти ученые предпочитали вводить монарха в церковную иерархию, ссылаясь на ритуал миропомазания, сопутствующий процедуре восхождения короля на трон, и на этом основании требовать первенства в осуществлении властных полномочий в христианском обществе. Такая позиция получила обоснование в ряде теологических сочинений, датированных началом XII столетия, которые были объединены под условным названием «Йоркские трактаты» («Tractatus Eboracenses») [2]. Авторство этих произведений до сих пор является не установленным. Название же объясняется тем, что некоторые исследователи приписывали их Йоркскому архиепископу Герарду. Иным является мнение таких крупных специалистов по этой теме, как Э. Жильсон и Э. Канторович, которые предпочитают относить трактаты к творческому наследию анонимного интеллектуала французского или нормандского происхождения. Последнее предположение кажется наиболее вероятным, учитывая обстоятельства появления сочинений. Предлогом для создания работ послужил спор, возникший между руанским архиепископом и римским понтификом по поводу властных полномочий последнего. Наибольший интерес с точки зрения выяснения политических позиций анонимного ученого представляют два небольших трактата – «Апология архиепископа Руанского» («Apologia archiepiscopi Rotomagensis») [2, S. 657-664] и «О посвящении пап и королей» («De consecratione Pontificum et Regum») [2, S. 665-673].

На страницах первого из этих сочинений оспаривается непогрешимость римского папы в вопросах веры, которую автор подвергает сомнению, доказывая равенство вероучительного авторитета понтифика с авторитетом всех остальных епископов в силу их природной тождественности. Основываясь на ключевом христианском догмате, Нормандский аноним пишет о том, что Святой Дух один, и через него одинаково распределяется благодать и права между всеми епископами. Природная тождественность епископов церкви исключает и возможность отлучения епископов папой, поскольку в таком случае папа отлучал бы самого себя. Учитывая феномен равенства всех епископов, римский понтифик также не имеет права претендовать на статус главы церкви, возвышающегося над всеми остальными прелатами и контролирующего их деятельность, а римская церковь, в свою очередь, – на статус матери всех церквей. Поэтому нормандский автор делает вывод о том, что глава руанской кафедры не может быть подвергнут анафеме со стороны папы в случае его неподчинения вероучительному авторитету и дисциплинарной власти последнего, «ведь все священники божественны, их может судить один только Бог» [2, S. 663].

Второй трактат, по своей сути, продолжал тему, развитую в предыдущем сочинении. В нем также оспаривалась идея верховенства римских пап, но теперь уже не в сравнении с властью других духовных иерархов, а в противопоставлении власти светских правителей, точнее, власти королевской. В этом случае, чтобы доказать верховенство монархов, нормандский автор обратился к учению о двух сущностях короля, которое было сформулировано в эпоху Каролингской империи. Он утверждал, что монарху в общественной иерархической системе принадлежит самое высокое место в силу того, что он объединяет в результате помазания две сущности: царя (им изначально был Христос по своей божественной природе) и священника (Христос им стал в силу своей человеческой природы): «И если мы хотим признать истину, что царь-священник и священник-царь, потому что он Помазанник божий, это может называться так по праву» [2, S. 668]. Ученый также считал, что царская природа Христа превосходит природу священническую, по поводу чего он писал, что «царь могущественнее и достойнее священника, ибо он является лучшим и более достойным воспроизведением природы Христа или образом его власти» [2,

S. 670]. Поскольку в обществе образом и подобием Христа-царя обладают только монархи, то именно через них может быть осуществлено единство Христа с его церковью и обеспечено спасение. «Ведь поэтому они правят над Церковью... и, будучи соправителями Христа, направляют ее, заботятся о ней и защищают ее» [2, S. 671]. Обращаясь к св. Павлу, а точнее к тому образу тела, который он представил в своем Первом послании к Коринфянам (1 Кор. 6:19), нормандский автор акцентировал внимание на его определении как храма Святого Духа и на основании этого утверждал мысль о том, что, если короли по праву властвуют над телами, то, соответственно, они же властвуют и над душами, таким образом, оказываясь во главе не только мирского, но и духовного сословия.

Имея диаметрально противоположную направленность по отношению к концепции Гуго Сен-Викторского, это учение, тем не менее, не выходило за рамки традиционного религиозного мировоззрения. Представление о церкви как институте, включающем в себя весь христианский мир, имело для ученых этого времени статус аксиомы, именно поэтому некоторые из них сочли возможным, более того, необходимым поменять местами слагаемые универсальной суммы. Утверждение того факта, что король является частью церковной иерархии, вполне позволяло поставить его на первое место в формуле, созданной божественным провидением.

В целом идея *Civitas Dei* – идеального христианского общества, имеющая своим истоком тексты Священного Писания и сформулированная Августином Блаженным, многие столетия сохраняла свою притягательность для средневекового мира. Выдающиеся умы этой эпохи неоднократно обращались к ней в ходе своих теоретических изысканий, стремясь создать модель христианского общества, которое в силу своей особой организации, максимально бы приблизилось к цели своего существования – вечному спасению. Но неоднозначность понимания образа *Civitas Dei* уже самим Августином, являющимся одним из самых авторитетных теологов, стала одной из причин того, что в последующие эпохи ученые так и не смогли прийти к единой точке зрения по этому вопросу. Формированию общего мнения однозначно препятствовали и реальные жизненные обстоятельства: в интересующий нас период времени это было связано с борьбой за инвеституру и процессом укрепления династии Капетингов во французском королевстве. Появление самых разных по своему содержанию политических концепций, в том числе и тех, которые были сформулированы Гуго Сен-Викторским и анонимным нормандским автором, прямо свидетельствовало о таком положении вещей. Тем не менее, все эти учения, так или иначе, притягивались к двум полюсам, на одном из которых приоритет отдавался власти пап, на другом же – власти королей. Важным и примечательным моментом является тот факт, что доказательства своей правоты приверженцы обеих сторон искали и находили в общих источниках. Как для сторонников теократической модели организации общества, так и для адептов имперской концепции ими были, прежде всего, библейские книги и сочинения авторитетных теологов. Но выводы, которые они делали, прочитывая одни и те же страницы, оказывались по своей сути противоположными. Количество приверженцев теократической модели по причине принадлежности основной массы средневековых ученых к духовному сословию, очевидно, было большим, но силы сторон в доказательном теоретическом смысле, тем не менее, оставались равными. Таким образом, приоритет той или иной власти, как правило, оказывался в прямой зависимости от политических позиций и индивидуальной харизмы тех, кто занимал папский престол или монарший трон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hugo de Sancto Victore. De sacramentis christianae fidei / Hugo de Sancto Victore // *Patrologiae cursus completus. Series latina* / [ed. Migne J]. – P. 1854. – Т. CLXXVI. – Col. 173-618.
2. *Tractatus Eboracenses I – VI* // MGH. *Libelli de Lite Imperatorum et pontificum saeculis XI. et XII. conscripti* / Hrsg. H. Boehmer. – Hannover, 1897. – Т. III. – S. 642-687.

3. Chenu M.D. La théologie au douzième siècle / Chenu M.D. – P., 1976.
4. Duby G. Les trois ordres, ou l'imaginaire du feodalisme / Duby G. – P., 1978.
5. Fossier R. Enfance de l'Europe (X – XII siècles). Aspects économiques et sociaux / Fossier R. – P. : P.U.F., 1982.
6. France in the Later Middle Ages. – Oxford : Oxford University Press, 2002.
7. Gilson E. Philosophie médiévale et humanisme / E. Gilson // Les Idées et les Lettres. – P., 1932. – P. 225-245
8. Kantorowicz E. Les Deux Corps du Roi. Essai sur la théologie politique du Moyen Age / Kantorowicz E. – P., 1989.
9. Lemarignier J.-F. «Autour de la royauté française du IX au XII siècle», Bibliothèque de l'École des Chartes, 1956.
10. Pare G. La Renaissance du XII siècle, les écoles et l'enseignement / Pare G., Brunet A., Tremblay P. – P., 1933
11. Paul J. Histoire intellectuelle de l'Occident médiéval / Paul J. – P., 1973.
12. Sicard P. Hugues de Saint-Victor et son École. Introduction, choix de texte, traduction et commentaire / Sicard P. – Turnhout : Brepols, 1991.
13. Гергей Е. История папства / Гергей Е. – М. : Республика, 1996. – 463 с.
14. Дюби Ж. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк (987 – 1460) / Дюби Ж. – М. : Международные отношения, 2000. – 416 с.
15. Жильсон Э. Философия в Средние века: От истоков патристике до конца XIV века / Жильсон Э. – М. : Культурная революция, 2010. - 678 с.
16. Лортц Й. История церкви, рассмотренная в связи с историей идей : в 2 т. Т.1. Древность и Средние века / Лортц Й. – М. : Христианская Россия, 1999. – 511 с.
17. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика / Майоров Г.Г. – М. : Мысль, 1979. – 433 с.
18. Шишков А.М. Средневековая интеллектуальная культура / Шишков А.М. – М. : Издатель Савин С.А., 2003. – 592 с.

О.В. Булдакова

Гуго Сен-Викторський і нормандський анонім про владу у християнському суспільстві

У даній статті розглядаються дві протилежних за змістом і метою політичні концепції, які були сформульовані в першій третині XII століття відомим паризьким вченим Гуго Сен-Викторським та анонімним автором нормандського походження. Боротьба, яку вели у цей час представники духовного про шарку за право інвестирути і свободи церкви, з одного боку, і процес зміцнення династії Капетингів, з іншого, призвели до того, що в середовищі французьких інтелектуалів утворилися «партії», котрі стали на захист як владних повноважень римських пап, так і королів. Головною зброєю в цьому протистоянні ідей виступила сила їх аргументів.

Ключові слова: світська та духовна влада, Церква, ієрархія, владні повноваження, папа римський.

E.V. Buldakova

Hugo St.-Victor and Norman Anon of power in Christian society

This article focuses on two opposite in meaning and purpose of political concepts that were formulated in the first third of the XII century by the famous Parisian scholar Hugo St - Victor, and the anonymous author of Norman origin. The ongoing struggle of the clergy for investiture and church freedom, on the one hand, and the strengthening of the Capetian dynasty, on the other, have led to the fact that among French intellectuals formed the "party" ready to come to the defense as the authority of the Popes and kings. The main weapon in the confrontation of ideas made force of their arguments.

Статья поступила в редакцию 02.04.2013.